

ЛУЦИЙ АННЕЙ
СЕНЕКА

*Нравственные
письма к Луцилию*

Санкт-Петербург

УДК 1/14
ББК 87.3
С 31

Перевод с латинского, статья и комментарии
Сергея Ошерова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Сенека Луций Анней

С 31 Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека ; пер. с лат. С. Ошерова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 576 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-12287-1

Сенека — Луций Анней Сенека Младший (ок. 4 до н. э. — ок. 65) — выдающийся римский философ-стоик, поэт, драматург, государственный деятель. В последние годы жизни Сенека уделял особое внимание вопросам нравственного самосовершенствования, многие его мысли созвучны христианскому мироощущению — недаром Сенеку считали «почти что христианином» и приписывали ему переписку с апостолом Павлом. «Нравственные письма к Луцилию», адресованные младшему современнику Сенеки, прокуратору Сицилии, — итог философии и жизненного опыта Сенеки. Это, вероятно, самое читаемое сочинение Сенеки начиная со Средних веков вплоть до настоящего времени. Написанные простым и мудрым языком, «Письма» и сегодня могут служить руководством по морально правильной жизни.

В настоящем издании представлено полное собрание писем Сенеки.

УДК 1/14
ББК 87.3

© И. А. Барсова, перевод, статья, комментарии, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12287-1

Сенека: философ, прозаик, поэт*

Луций Анней Сенека, крупнейший римский писатель I в. н. э., предстает перед читателем как прозаик — автор «Нравственных писем», как поэт — автор мифологических трагедий, как философ — потому что именно проблемы практической философии, проблемы выбора и обоснования жизненного поведения были для него главными и в прозе писем, и в стихах трагедий. Но он был не только философом, прозаиком и поэтом — он был еще и государственным деятелем одного из самых трудных столетий римской истории: столетия, когда в Риме на смену республике утверждалась империя. Он выступает не свидетелем, а участником важнейших событий эпохи: он — сенатор, потом ссыльный, потом воспитатель императорского наследника и фактический правитель государства при своем воспитаннике — достопамятном императоре Нероне, потом опальный вельможа, оппозиционер в отставке и, наконец, жертва императорской расправы, чье самоубийство надолго запомнилось потомкам.

Эту жизнь, полную взлетов и падений, определяющих перипетиями столичной политики, трудно согласовать с образом философа-моралиста и со многими собственными его писаниями. Бесполезно рассуждать

* Статья была написана для издания: *Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии.* М.: Худож. лит., 1986. (Б-ка антич. лит.). Печатается с сокращениями.

о том, что толкало Сенеку в гущу политики: честолюбие и корыстолюбие, в которых его часто обвиняли и которым он, по всей видимости, действительно не был чужд, либо доктринерское убеждение, что философ, стоя рядом с властителем, способен принести пользу людям. Но можно попытаться понять основное противоречие Сенеки, исходя из исторической ситуации, из мироощущения философа, каким оно видится в его сочинениях. Между его жизнью и его философией протягиваются силовые линии и возникает напряжение, которым отличается философствование Сенеки в лучших его работах. Напряженная связь с жизнью была необходимым стимулом к подлинному творчеству для Сенеки-писателя.

Но связь с жизнью предполагает определенное отношение к ней. В этом своем жизнеотношении Сенека был писателем и римлянином — и это главное. Первое предполагает пристальное внимание к жизни. Второе — ощущение нормы, более ценной, чем жизненная прагматика.

Как писатель, Сенека был обостренно зорок, с одной стороны, к конкретным проявлениям окружающей жизни, к их характерности и порой гротескности (примеры тому — на многих страницах «Нравственных писем»), а с другой стороны, к скрупулезному анализу индивидуальной психологии — собственной прежде всего. Однако это внимание к жизни нимало не означает бездумного растворения в ней, нравственного безразличия к ее явлениям. Ощущение «нормы жизни» было искони присуще римлянину, он всегда поверял наличные «нравы» неким их эталоном (чаще всего этот эталон именовался «нравы предков»). Так и у Сенеки ощущением нормы определяется сам взгляд на жизнь. Каждая схваченная им жизненная деталь ценна постольку, поскольку в ней отражается отступление от нормы, «порча нравов».

Самое его писательство становится средством явить людям норму и воспитать их: по столь же исконному убеждению римлян, нравы исправимы. Талант художника Сенека — даже в трагедиях — подчиняет задачам моралиста.

Однако, унаследовав от староримской традиции убежденность в существовании нравственной нормы, Сенека не мог механически воспринять от отцов и дедов саму эту норму. Для римской традиции средоточием всех ценностей — и прежде всего нравственных — было государство, гражданская община («общее дело», *res publica*). Человек может осуществить себя только как ее член: единственным полем приложения его сил и средством выявления высоких моральных качеств может быть государственная деятельность. Долг гражданский неотделим от долга нравственного, добродетель выражается в подвигах на благо республики; завет служения республике передан предками, и выполняющий его есть *vir bonus*, «доблестный муж», идеал человека и гражданина. Однако та римская республика, в которой и по мерке которой сложилась вся эта система ценностей, перестала существовать на памяти отцов поколения Сенеки — при Цезаре и Августе. Новый режим, установившийся в Риме, по традиции назывался «восстановленная республика», но верховная власть перешла в руки «первого человека в государстве», императора, и все больше приобретала черты самовластия и даже деспотизма. Вся система традиционных нравственных ценностей оказывалась оторванной от жизни, неприложимой к деятельности. Для подтверждения этих ценностей нужна была какая-то иная санкция.

Сенека смотрел на вещи трезвее многих своих современников. Он не идеализировал былую республику. Коль скоро нравы именно при республике пали так низко — значит форма правления не может быть гарантией

их чистоты и потому не так уж важна. Утратив «добрые нравы», государство не могло не утратить и прежнего уклада и, чтобы не распасться, должно было обратиться к единоличной форме власти. Единовластие для Сенеки — неизбежность и даже, при данных условиях, наилучшая форма государства. А это означало два вывода. Первый — практический: служение императору вовсе не обязательно несовместимо с моралью. Второй — философский: коль скоро та или иная форма государства оказывается преходящей, обреченной на крушение, то не с нею должна быть связана вечная и непреходящая система моральных ценностей.

Где же взять их? Если внутри гражданской общины каждый, радея о счастье целого, тем самым заботился и о собственном счастье, то теперь он должен был сам искать линию жизненного поведения. Это стремление к ответственному индивидуальному выбору позиции — главное и постоянное во всей жизненной и творческой деятельности Сенеки. Он хранит римское ощущение, что норма отвечает объективной истине. А объективная истина постигается не привычной верой, а ищущим разумом. И в этом ищущий должен опираться на опыт «людей сведущих, исследовавших предстоящий нам путь» (выражение Сенеки в трактате «О блаженной жизни», 1, 2). Люди эти — философы, чье учение способно дать знание истинного блага.

Сделать это обещали все три самые влиятельные школы современной Сенеке греческой философии: киники, эпикурейцы и стоики. Все они соглашались в том, что знание истинного блага делает жизнь человека блаженной. Но пути к блаженной жизни, которые они предлагали человеку, утратившему свое привычное место в гражданской общине, были разные. Киники, видевшие жизненное блаженство в умении ограничиться удовлетворением одних лишь насущнейших естественных потребностей, и эпикурейцы, усматривавшие его в безмя-

тежности и отсутствии страданий, тем самым вообще изымали человека из всех социальных связей. У стоиков дело обстояло иначе.

Для стоиков учение о нравственности зиждется на учении о природе: счастье — это жизнь согласно природе. В основе природы лежит «логос» — разум, разлитый во всем сущем и обеспечивающий неодушевленным предметам «устойчивое состояние», растениям — «произрастание», животным — «самодвижение», а в людях и богах выступающий как разум в собственном смысле. Следовательно, «жить по природе» для человека — значит «жить по разуму», а нравственная цель — через усовершенствование этой природы прийти к «добродетели». Добродетель же, соответственно разумной природе человека, есть совершенное знание, или мудрость. Блаженную жизнь мудрецу обеспечивает знание того, что эта добродетель есть единственное истинное благо и что все внешнее не есть благо. Каждый поступок истинного мудреца направлен к этому благу и определяется термином «праведное деяние». Если деяние не имеет в виду самосовершенствования, то, будь оно даже направлено ко благу ближних, этого мало, чтобы отнести его к числу «праведных». В этом — глубокий индивидуализм стоического идеала мудреца.

Но, будучи человеком, мудрец должен делать и то, что не исходит из совершенного знания и не имеет своей целью добродетель: например, есть, пить, заботиться о здоровье. Такие действия, не противоречащие высшей природе человека и отвечающие всей его природе, получают название «подобающие». К их числу стоики относили и выполнение обязанностей перед другими людьми. И не только перед согражданами по общине, а и перед жителями целого мира: ведь, как существо разумное, человек входит в один разряд даже с богами, и возникает «сообщество богов и людей», обитель которого — целая вселенная, космос. Так обратной стороной

стоического индивидуализма оказывается стоический космополитизм. Но с этой высоты стоики не пренебрегают и политической реальностью. Земное государство, рассуждали они, есть лишь слепок «вселенского града», управляемого мировым разумом. Значит, важно не государственное устройство как таковое, а соответствие его мировому разуму. И если мудрец поможет достичь такого соответствия, это будет «подобающим деяньем», и он не преминет сделать это, пока ничто не препятствует.

Такое понятие «подобающего» уже очень близко смыкалось с традиционным римским понятием «долга», а такой мудрец — с римским «доблестным мужем». Действительно, такое сближение было осознано в Риме еще на исходе республики, и сознание это прочно держалось в эпоху Сенеки. Однако практические выводы из такого понимания могли быть двоякими. С одной стороны, если выполнять свой долг перед республикой значит не только следовать завету отцов, но и поступать в соответствии с разумной природой человека, то нужно быть в этом упорным до конца и идти даже на смерть. Так полагали последние деятели сенатской оппозиции, современники Сенеки, безнадежно отстаивавшие перед лицом Нерона старинные республиканские идеалы. С другой стороны, если идея служения государству как долга не только гражданского, но и нравственного и даже «естественного» связана лишь с определенным типом государства, то это значит, что с крушением республики мудрец-гражданин должен перенести свою деятельность из области государственной в область личной жизни — «досуга», как выражались римляне. Так полагал учитель Сенеки Фабиан (письмо XL) и учителя последнего — отец и сын Секстии (письмо LXIV), так полагали уличные проповедники вроде Деметрия, которым Сенека неизменно восхищался (письма LXVII, XCI). Однако сам он до поры идет своим путем.

Сенека не был оппозиционером в сенате и лишь поневоле бывал проповедником на досуге. Он жил в гуще придворных интриг, направлял императорскую политику, его тактика уступок и компромиссов порой приводила к действиям, никак не согласующимся с проповедуемой им моралью. И все же каждый свой шаг, каждый поступок он так или иначе стремится осмыслить, соотнести с избранным идеалом, с моральной нормой, а значит, он ни на миг не теряет чувства внутренней ответственности за совершаемое. Так возникают те напряжение и страстность, которые отличают мысль и стиль Сенеки.

Сенека происходил из провинциального всадничества — того среднего сословия римского общества, которое только с наступлением империи получило доступ к политической деятельности. Отец Сенеки был родом из испанского города Кордубы (Кордова), где около 4 г. до н. э. родился и сам Сенека. Талантливый ритор-любитель, записавший для потомства множество образцов-декламаций лучших ораторов своего времени, Сенека-отец был римлянином старого закала, уверенным в преимуществе практической деятельности над философией, и мечтал о политической карьере для сыновей. Ради детей он переселился в Рим; здесь и прошли молодые годы Сенеки-философа.

Философией Сенека увлекся с юности. Его наставники принадлежали к школе римского стоика Секстия — того, который «писал по-гречески, мыслил по-римски» (письмо LIX, 7) и который говорил: «Юпитер может не больше, чем муж добра» (письмо LXXIII, 12). Но отцу удалось направить рвение пылкого юноши по другому руслу и, пробудив его честолюбие, обратить его к государственной жизни. При императоре Калигуле (37–41) молодой Сенека — уже известный писатель и оратор, он получает первую государственную должность, входит

в сенат. Там одна из его речей вызвала такую зависть Калигулы, что тот распорядился убить Сенеку; спасло его только вмешательство какой-то из императорских наложниц, сказавшей, что слабый здоровьем оратор и так скоро умрет. Это был первый гром над головой Сенеки: видимо, он всей фактурой своей личности слишком выделялся из среды раболепствующего сената. А в 41 г., уже при императоре Клавдии, разразилась и первая гроза: по инициативе императрицы Мессалины Сенека был обвинен в прелюбодеянии с опальной сестрой Калигулы Юлией Ливиллой. Сенаторы требовали смерти для своего слишком уж ярко блиставшего сотоварища, и самому Клавдию пришлось ходатайствовать о замене казни ссылкой.

Местом ссылки была назначена пустынная Корсика. Сперва Сенека пал духом. Его «Утешение к Полибию», влиятельному при дворе вольноотпущеннику, содержит так много комплиментов императору, что кажется ходатайством о помиловании. Однако позже он ободрился и вновь предался научным занятиям, увлеченный больше всего наблюдением небесных светил (об этом он пишет в «Утешении к Гельвии», своей матери, горевавшей о судьбе сына). Удаление из столицы, созерцание мира-космоса изменяли перспективу, сдвигали масштабы в земном мире. Представление о круге земель как едином обиталище человеческого рода в умозрительном виде было почерпнуто им из стоических книг; теперь оно наполнилось конкретным содержанием пережитого опыта. «Пусть мы проедем из конца в конец любые земли — нигде в мире мы не найдем чужой нам страны: отовсюду одинаково можно поднять глаза к небу», — пишет он в «Утешении к Гельвии» (9, 1).

Как в начале жизненного пути, так и теперь перед Сенекой вставал вопрос о сравнительной ценности «государственной жизни», от которой его насильно оторвали, и жизни созерцательной, то есть долга перед государ-

ством и долга перед самим собой. Ответ на него писатель дал в написанном на Корсике трактате «О краткости жизни», и ответ этот — в пользу философии, которая одна ведет к истинному благу. Выполнение долга перед государством ничего не приносит, кроме тревог и волнений, оно отнимает возможность обратить взгляд на себя. Время вынужденного корсиканского уединения — период наибольшего удаления Сенеки от традиционно римских воззрений. Он до такой степени ощутил себя философом и гражданином мира, что собирался в случае помилования переселиться в Афины и заниматься одной лишь философией. Однако намерение так и осталось намерением.

Помилование пришло в 48 г., когда Мессалина была убита, а женою Клавдия стала Агриппина, сестра Ливиллы и мать будущего императора Нерона, которому в эту пору было 11 лет и которого она энергично и целенаправленно вела к власти. Она добилась возвращения Сенеки из ссылки, выхлопотала для него высокую государственную должность и предложила стать наставником ее сына: «Ведь полагали, что Сенека в память о благодеянии предан Агриппине и, оскорбленный несправедливостью, враждебен Клавдию» (Тацит. *Анналы*. XII, 8). Последний расчет не оправдался: никто из историков не говорит об участии Сенеки в интригах Агриппины, в результате которых в 54 г. Клавдий был отравлен и к власти пришел шестнадцатилетний Нерон. Но, принимая место наставника, Сенека, безусловно, шел на компромисс с собою, так как не мог не понимать планов Агриппины и нравов императорского двора. Положение его стало двойственным, жизнь разошлась с начертанной им самим и как будто уже окончательно избранной программой.

Оказавшись ближайшим советником молодого императора, Сенека с самого начала употребил свое влияние на то, чтобы обуздать властную жестокость Агрипп-

пины. Его союзником был префект претория (начальник гвардии) Афраний Бурр: «Они помогали друг другу, чтобы легче было удержать пребывавшего в опасном возрасте императора, дозволив ему, если он пренебрежет добродетелью, некоторые наслаждения» (Тацит. XIII, 2). Ценою таких компромиссов Бурру и Сенеке удалось добиться многого. Возрастает власть сената, о чем так мечтала республиканская оппозиция, достаточно открыто подававшая там голос. Проводятся финансовые мероприятия, имеющие целью отделить государственную казну от личного имущества императора. Стремление превратить провинции из ограбляемых завоеванных областей в органические составные части единой империи находит выражение в судебных процессах над наместниками, виновными в корыстных злоупотреблениях. Была предпринята попытка борьбы с разложением политических нравов — прежде всего с доношением. Однако именно эта мера вызвала больше всего нареканий против Сенеки: слишком многие боялись участи обвиненных доносчиков.

Но Сенека не был бы Сенекой, если бы не попытался теоретически осмыслить свою политическую деятельность, найти ей оправдание с точки зрения нравственных норм стоицизма. Вслед за стоиками он полагал, что монархия при справедливом царе, носителе разума, может быть залогом благоденствия государства. «Только мудрец умеет быть царем». Об этом он пишет в трактате «О милосердии», обращенном к Нерону: здесь начертан образ идеального государя, мудреца у власти. Он — носитель разумного милосердия, которое позволяет государю найти должную меру между мягкостью и строгостью, необходимой для обуздания порочной толпы; этим исправляются нравы, а в государстве воцаряется единая и всеобщая любовь к правителю.

Таков был идеал, но не такова была действительность. Сенеке приходилось бороться с влиянием Агрип-

пины, а для этого идти на уступки порокам Нерона. Нерон отвечал Сенеке бесчисленными подарками, Сенека их принимал, и его богатства росли настолько, что все громче становились разговоры о несоответствии проповеди Сенеки и его поступков. В борьбе с Агриппиной Сенека победил, но эта победа была хуже поражения: в 59 г. Нерон приказал убить Агриппину, и Сенека был вынужден не только санкционировать матереубийство, но и выступить с оправданием его перед сенатом. «В итоге ропот шел уже не против Нерона, чья чудовищность превосходила любые пени, а против Сенеки, облекшего в писаную речь признание в преступлении» (Тацит. XIV, 11). В свое оправдание Сенека пишет новый трактат — «О блаженной жизни». Это самая решительная попытка Сенеки примирить стоическую доктрину и действительность. Только мудрец в силах осуществить идеальную норму поведения, пишет Сенека, но ведь ни он сам, ни даже древние стоики не могут быть названы мудрецами. Они, как и все люди, погружены в жизнь с ее заботами и требованиями, связаны с людьми, опутаны обязательствами перед государством. Как же при всем этом сберечь нравственную чистоту? Нужно сохранять всегда и во всем сознание нравственной нормы. Это сознание — оно же совесть — и отличает человека нравственного (философа) от толпы. Понятие совести как осознанной разумом и в то же время пережитой чувством нравственной нормы было введено в стоицизм Сенекою. Именно оно позволило ему сохранить живую связь с действительностью, уйти от доктринерской беспечности и удержаться от затягивающего беспринципного прагматизма.

Между тем Нерон, освободившись от Агриппины, все больше выходил и из-под влияния Сенеки. В 62 г. умер (или был отравлен) Бурр. Сенека ходатайствует об отставке и хочет вернуть Нерону все полученные от него богатства — Нерон отказывается принять их обратно.

Но Сенека уже решился на новый, последний поворот своей жизни: от государственных дел к «досугу». Означает ли это для него поражение? Нет, — отвечает Сенека в следующем своем трактате — «О спокойствии души». Деянье остается для него истинным поприщем добродетели, и прежде всего деянье на благо государства. «Вот что, я полагаю, должна делать добродетель и тот, кто ей привержен. Если фортуна возьмет верх и пресечет возможность действовать, пусть он не тотчас же бежит... — нет, пусть он с выбором отыщет нечто такое, чем еще может быть полезен государству. Нельзя нести военную службу? Пусть добивается общественных должностей. Приходится остаться частным лицом — пусть станет оратором. Принудили к молчанию — пусть безмолвным присутствием помогает гражданам. Опасно даже выйти на форум — пусть по домам, на зрелищах, на пирах будет добрым товарищем, верным другом, воздержным сотрапезником. Лишившись обязанностей гражданина, пусть выполняет обязанности человека!» (О спокойствии души. 4, 2–3).

Сенека демонстративно отстраняется от общественной жизни: «...отменяет все заведенное в пору прежнего могущества: запрещает сборища присутствующих, избегает всякого сопровождения, редко показывается на улице, как будто его удерживает дома нездоровье либо занятия философией» (Тацит. XIV, 11). Человек имеет право на досуг и не отслужив свой срок, — доказывает он в книге «О досуге». На первый взгляд, Сенека возвращается к идеям своего корсиканского уединения — к трактату «О краткости жизни». Но там он делал упор на долг человека перед самим собою — теперь же на первое место выдвигается долг перед людьми: однако не перед римской гражданской общиной, выродившейся в толпу рабов тирана, а перед вселенским «сообществом богов и людей». «Два государства объемлем мы

душою: одно — поистине общее, вмещающее богов и людей... и другое, к которому мы приписаны рождением... Этому большому государству мы можем служить и на досуге, — впрочем, не знаю, не лучше ли на досуге» (О досуге. 4, 1–2). Это служение есть философия, она же — созерцание величия всего сущего; чтобы учить этому служению сограждан «большого государства», Сенека пишет свои последние обобщающие философские труды — «Изыскания о природе», «О благодеяниях» и книгу итогов — «Письма к Луцилию».

Но никакой уход от дел уже не мог спасти философа. Нерон ощущал, что сама личность Сенеки, всегда воплощавшая для него норму и запрет и всеми сопоставляемая с новым (а вернее — истинным) обликом бывшего воспитанника, есть некая преграда на его пути. И когда в 65 г. был раскрыт заговор Писона — заговор, не имевший положительной программы и объединявший участников только страхом и личной ненавистью к императору, — Нерон, несмотря на почти доказанную непричастность Сенеки, не может упустить случая и приказывает своему наставнику умереть. Философ вскрыл себе вены вместе с женою, которую пытался сперва удержать от самоубийства. «У Сенеки, чье стариковское тело было истощено скудной пищею, кровь шла медленным током, и он взрезал жилы еще и на голенях и под коленями. Обесилев от жестокой боли, он, чтобы его страдания не сломили духа жены и чтобы самому при виде ее мук не потерять терпеливости, убедил ее перейти в другую комнату. И в последние мгновения он призвал писцов и с неизменным красноречием поведал им многое, что издано для всех в его собственных словах и что я считаю излишним искажать пересказом» (Тацит. XV, 63). Мы не знаем этих последних слов Сенеки. Но окончательные выводы его философствования показали, что, не сумев на практике примирить философию как нравственную

норму и служение сообществу людей как наличному государству, в теории Сенека нашел выход из этого противоречия и снял его.

«Нравственные письма к Луцилию» — последнее, итоговое произведение Сенеки. Луцилий, адресат этих писем, выбился из бедности во всадническое сословие (письмо XLIV), долго служил в Сицилии, писал стихи и страстно хотел стать настоящим философом. Сенека сделался его духовным вождем. Наставничество со времен Гесиода представлялось всей античности неотъемлемым долгом знающего. Излюбленной формой такого наставления со времен Сократа стал философский диалог, который вопросами направляет мысль собеседника в нужную сторону и приводит его к окончательному ответу. Если философ не беседовал наедине, а выступал перед большой публикой, то он в монологе имитировал диалог, сам перебивал себя вопросами, перекидывался с темы на тему, с разных сторон подводя к одному и тому же. Такой жанр назывался «диатрибой»; с его ориентацией на жизненные примеры, на легко запоминающиеся сентенции вместо сложной логики, с его доверительной интонацией он был универсальной формой популярного моралистического философствования. Из устной речи диатриба легко переходила в письменную: в небольшие трактаты (у Сенеки они прямо называются «Диалоги», хоть в них и нет собеседников) и тем более в письма: письмо, будучи и в житейской практике заменой непосредственной беседы, в литературе оказывалось естественной ее ипостасью. Обращаясь к другу, Сенека в то же время вполне осознанно создавал произведение литературного жанра, хорошо знакомого античности.

Сенека сам разбирает вопрос о том, каким следует быть поучению философа. По его мнению, оно должно

быть доступным, легко запоминающимся, но главное — «поражающим душу». Эмоциональное воздействие — вот главное средство философа-наставника: «Донимай их (слушателей), жми, тесни, отбросив всяческие умозрения, и тонкости, и прочие забавы бесполезного умствования. Говори против алчности, говори против роскоши, а когда покажется, что польза есть, что души слушателей затронуты, наседай еще сильнее» (письмо CVIII).

Античность уже обладала богатым запасом приемов такого воздействия. Его накопила риторика. Сенека еще по отцовской выучке знал, ценил риторику (см., напр., письмо CXIV) и умел пользоваться ее средствами. Из них он предпочитает, пожалуй, два: контраст и смену тона. Эффектные антитезы подчеркивают противоестественность мира, несоответствие его реальности той норме, которая проповедуется. А быстрый переход от живого примера к патетической декламации по его поводу, от иронии к негодованию, от рассказа к поучению не позволяет читателю пресытиться повторениями, многократными подходами к одному выводу, воздействует на чувство, чего и искал Сенека. Ради быстроты и контрастности Сенека предпочитает обычным в античной прозе длинным периодам короткие рубленые фразы: «песком без извести» называл его стиль император Калигула, а ценители старого красноречия роптали, что он «дробит веские мысли на мельчайшие сентенции» (Квинтилиан. X, 1, 130). Молодые читатели жадно усваивали эту модную манеру, Сенека был очень популярен. Но писал он так не ради моды, а потому, что это позволяло ему создать ощущение внелитературности, разговорности, интимности, живой заинтересованности. Это приближало его к читателю.

Точно так же и по композиционному строению «Письма» Сенеки непринужденнее, чем иные его сочинения. Подобно подлинным письмам, они разомкнуты

в жизнь. Сенека как бы и не собирается рассуждать, а только сообщает другу о себе: о своей болезни, об очередной поездке, о встрече с тем или иным знакомым. Это придает последующим увещаниям убедительность пережитого опыта. Иногда Сенека отвечает на вопросы Луцилия — это позволяет ему без видимой логической связи с предыдущим ввести новую тему. Горе Либералиса после пожара Лугдунской колонии, цирковые игры, посещение лекции философа или усадьбы Сципиона — любое жизненное событие может стать поводом, отправной точкой для рассуждения. При этом редко какое из писем посвящено только одной теме. Чаше Сенека переходит от предмета к предмету, потом как бы спохватывается: «Вернемся к нашему вопросу» — а потом вновь отвлекается, искусно поддерживая напряженный интерес читателя. Нередко читатель должен сам восстанавливать связь мыслей, угадывать отсутствующие звенья — пока наконец по всем правилам риторики броская сентенция не подытожит сказанного и не отметит конец темы. Такое дробление помогает писателю избежать логической последовательности и систематичности. Письма остаются как бы фрагментарными, и это еще больше способствует впечатлению жизненной достоверности и дружеской доверительности высказывания. К тому же и каждая отдельная истина приобретает больший вес, чем она имела бы в логической цепи, и внимание читателя остается в постоянном напряжении.

Так в конечном счете из мозаики писем слагается система стоической этики в истолковании Сенеки — цельная и стройная, вопреки кажущейся разорванности изложения. Едва ли не все вопросы, трактованные Сенекой раньше, вошли в «Письма» в том или ином виде (иногда даже — почти в тех же выражениях, с теми же сравнениями). Но здесь, в неофициальном жанре писем, эта система этики больше, чем где-нибудь, окрашена личностью Сенеки и его адресата.

Сенека ведет Луцилия от земных римских идеалов к высокому стоическим — к «блаженной жизни», к полной независимости от внешних обстоятельств. *Vir bonus* — уже не «доблестный муж» старых времен, а «муж добра», носитель добродетели. Хрестоматийные римские герои — Муций Сцевола, Деции, Регул, Фабриций — прославляются за воздержанность, за презрение к боли и смерти, а основное содержание их подвигов — служение Риму — выпадает из поля зрения Сенеки. И если для староримского «доблестного мужа» наградой непременно мыслилась слава среди сограждан, то сенекровский «человек добра» пренебрегает ею как похвалой людей неразумных: награда за добродетельный поступок — в нем самом.

Однако знание человеческой психологии, анализ поступков и побуждений, характерный для Сенеки-писателя, Сенеки-римлянина, толкают его к знаменательным отступлениям от стоических верований. Греческая этика со времен Сократа считала, что добродетель и разум — одно: чтобы стать добродетельным, нужно лишь понять, в чем благо. Сенека же понимает, что одного знания добра недостаточно, требуется еще и активная воля к добру: «Желание стать добродетельным — полпути к добродетели» (письмо XXXIV). А направить нашу волю к добру должна еще одна нравственная инстанция, причастная скорее не разуму, а чувствам: это совесть, бичующая злые дела. Отсюда ясно, что проповеднику добродетели нужно взывать не только к разуму, но и к совести, воздействовать не только на разум, но и на чувства, то есть на те самые «страсти», которые так круто отвергала классическая Стоя. Такие новшества не только меняли весь стиль философствования, но и заставляли заново решать проблемы, казалось бы уже решенные.

Прежде всего, момент воли, то есть ответственного выбора жизненного поведения, вступал в противоречие

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА
ПРАВСТВЕННЫЕ ПИСЬМА
К ЛУЦИЛИЮ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректор Валентина Гончар, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.12.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,38. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А,
Тел. (812) 527-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. ш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А,
Тел. (812) 527-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Апараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

A-NFA-28328-18-R